

НИК БУРОВ

ТРАССА
БЕЗ ВОЗВРАТА

3

ДОРОГА КОСТЕЙ

Ник Буров

Трасса без возврата
3. Дорога костей

«Автор»

2026

Буров Н.

Трасса без возврата 3. Дорога костей / Н. Буров — «Автор», 2026

Вера Соколова, аспирантка-историк, отправляется в самое сердце сибирской тайги, чтобы найти могилу своей прабабушки, погибшей в ГУЛАГе.

Заброшенный лагерь «Кривой ручей» хранит мрачные тайны: здесь не стихают голоса, а тени прошлого не желают отпускать живых. Вера не одна — ей помогают трое суровых мужчин, знающих цену северной трассе. Но чем глубже они заходят на Дорогу костей, тем яснее становится: это путешествие без возврата. Чтобы обрести правду, Вере придётся принять дар, который навсегда изменит её жизнь. Мистический триллер о памяти, долге и цене, которую платят за то, чтобы помнить.

© Буров Н., 2026

© Автор, 2026

Ник Буров

Трасса без возврата 3. Дорога костей

Пролог: «Она не умерла»

Москва, архив ФСИН. Наши дни.

Вера Соколова, двадцати трёх лет, аспирантка исторического факультета, сидит в пустом читальном зале. Перед ней — пожелтевшие папки с грифом «Секретно». Тема её диссертации: «Система ГУЛАГа на Севере: неизученные страницы». Но у неё есть личный интерес: её прабабушка, Анна Соколова, была осуждена в 1938 году по 58-й статье и отправлена в лагерьный пункт «Кривой ручей», расположенный в сибирской тайге. Оттуда она не вернулась.

Вера ищет хоть какую-то информацию о месте захоронения прабабушки. В официальных документах — только номер лагерного пункта и дата смерти: «1940, февраль». Ни могилы, ни координат.

В одной из папок она находит странный документ. Рапорт начальника конвоя, датированный мартом 1940 года. В нём описано необъяснимое: «...заклѹчѣнная Соколова Анна, находясь в состоянии крайнего истощения, проявляла признаки... влияния на других заклѹчѣнных. Была изолирована в штрафной барак. Скончалась при невыясненных обстоятельствах. Тело не обнаружено».

Вера переворачивает страницу. На обороте — приписка, сделанная другой рукой, торопливым почерком: «Она не умерла. Она осталась. Она ждѣт».

Пальцы у неё холодеют, хотя в зале работает отопление. Она делает копию документа и решает: поедет туда. Найдѣт это место. Найдѣт правду.

Глава 1. Возвращение к жизни

Март на Севере — гнилой месяц. Днѣм с крыш бараков капает ржавая вода, а ночью мороз бѣѣт до минус тридцати, превращая грязь в бетон. Рудник «Северный» медленно оттаивал, выплѣвывая из-под снега искорѣженное за зиму железо. После той зимней мясорубки и разгрома, который им устроила служба безопасности, база постепенно возвращалась к жизни.

Алексей Николаевич Громов сидел у окна в кабинете начальника транспортного цеха. Должность ему выбили, но сам он в рейсы больше не ходил. Врачи закрыли трассу навсегда — пробитая арматурой нога срослась, но тупая, сверлящая боль прописалась в кости пожизненно. Теперь он передвигался с тяжѣлой деревянной тростью. Громов обхватил крупными, покрытыми старыми шрамами руками кружку с горячим, почти чѣрным чаем. Лицо — каменное, изрезанное глубокими морщинами. Он молча смотрел сквозь стекло на накатанную колею зимника, уходящую в тайгу.

В гараже этажом ниже гудело эхо. Виктор Воронов с размаху опустил тяжѣлый гаечный ключ на тридцать два на железный верстак. Механик открыл здесь свою мастерскую, чинил всё подряд — от убитых дизелей и «Уралов» до бензопил. К нему тянулись со всей округи. Под подъѣмником возились двое молодых пацанов, которых он взял в помощники.

Воронов вытер руки промасленной ветошью, скривив губы в фирменной асимметричной ухмылке. В карманах его потрѣпанного ватника привычно звякнули гайки.

— Слушай сюда, молодняк, — прохрипел Воронов, перекрывая стук компрессора. — Регламент засунѣте в бардачок. На трассе голова должна быть на плечах, а не в инструкции. Сорвѣте шлицы на кардане — сами пешком в тундру пойдѣте.

Михаил Петров, которого на руднике уже давно не звали стажѣром, сидел в конторе. Он получил свой диплом заочно, но на Большую землю так и не вернулся. Городская жизнь теперь казалась ему пресной, пустой. Он остался здесь, зарывшись в путевые листы, накладные и акты списания. Но каждую ночь он просыпался в холодном поту — ему снова снился слепой лёд, воющий буран и сухой, шелестящий голос следователя Зимина.

Малой сильно сдал. Стал жёстким. Замкнутым и циничным. Интеллигентные очки в тонкой оправе теперь намертво стягивала синяя изолента. В глубокие трещины на сбитых костяшках въелась чёрная сажа, которую не брало никакое мыло. Из «зубрилы-теоретика» он превратился в канцелярского киллера, которого на руднике уважали, но откровенно побаивались.

На стол легла почта с утреннего борта. Счета, спецификации, каталоги. И один серый, затёртый конверт. Без обратного адреса.

Малой провёл грязным пальцем по шершавой бумаге. Вскрыл.

Внутри лежал кусок плотного картона. Старая, пожелтевшая фотография.

Малой всмотрелся в выцветшее изображение. Люди в тяжёлых, бесформенных лагерных бушлатах. Измождённые лица. Вышки охраны на заднем фоне. В центре стояла молодая женщина. В её глазах была нечеловеческая усталость, но спина оставалась прямой.

Малой перевернул снимок. На обороте выцветшими синими чернилами было выведено несколько слов.

«Кривой ручей. 1940. Анна».

Через десять минут Петров вошёл в гараж. Громов уже спустился из своего кабинета, тяжело опираясь на трость, и стоял у верстака рядом с Вороновым. В гараже резко пахло трансформаторным маслом и соляжкой.

Малой молча положил фотографию на холодный металл, прямо на пятно пролитой отработки.

— Утренний борт привёз, — сухо сказал он.

Воронов перестал перекачивать гайки в кармане. Наклонился, рассматривая снимок. Его кривая ухмылка медленно сползла с лица.

— Лагерные, — констатировал механик, вытирая палец о штаны. Он отстранился от стола, словно от фотографии веяло холодом. — Это не нам, студент. Кто-то адресом ошибся. Это кому-то другому.

— Кому? — Малой сурово поправил перекошенную оправу очков, намертво стянутую изолентой.

Громов тяжело перенёс вес на здоровую ногу. Его крупные руки легли на верстак. Батёк смотрел на фотографию долгим, немигающим взглядом. На женщину с усталым лицом.

— Тому, кто ищет, — голос Громова прозвучал глухо, как стук лома о мёрзлую землю. — Тому, кто потерял.

Глава 2. Гостя с Большой земли

Авиационный керосин воняет особенно тошнотворно, когда смешивается с запахом гниющего мартовского снега и ржавого металла. Тяжёлый, рубящий звук лопастей ударил по барабанным перепонкам, заставляя вибрировать ледяной бетон посадочной площадки. Это был не корпоративный борт, а частный чартерный вертолёт, нанятый где-то на материке. Машина тяжело села на расчищенный квадрат рудника «Северный», подняв слепую стену серой ледяной крошки.

Из дребезжащей кабины на бетон спрыгнула девушка. Молодая, на вид года двадцати трёх. Вера Соколова. На ней городской пуховик, который при местном ветре и минус тридцати превратился в бесполезный кусок нейлона ровно за секунду. Городские зимние ботинки на тонкой подошве звонко стукнули по жёсткому насту. Девушка поёжилась, рефлекторно втягивая голову в плечи. В руках она сжимала рюкзак и пухлую пластиковую папку с документами.

В бытовке коменданта рудника воняло кислым табаком, мокрой шерстью и пережжённым кофе. Сам комендант — тучный мужик с вечно недовольным, отёкшим лицом — сидел за столом, ковыряя спичкой в зубах. Вера положила перед ним свои бумаги. Острый край пластика сухо шаркнул по столешнице.

— Кривой ручей? — комендант брезгливо отодвинул документы толстым пальцем с грязным ногтем. — Девушка, вы берега попутали. Туда никто не ездит. Дороги нет.

— У меня есть допуск к архивным изысканиям, — Вера упрямо придвинула бумаги обратно. — Координаты указаны на старых картах ГУЛАГа. Мне нужен транспорт и проводник. Оплата наличными.

— Оплата, — комендант хрипло рассмеялся, обнажив прокуренные пеньки зубов. — Это запретная зона. Закрыто ещё в пятидесятых. Там тайга. Ни соляры, ни связи, ни людей. Идите отсюда, девушка. Нечего вам тут делать. Ближайший борт на материк послезавтра. Сидите в гостевом бараке и не отсвечивайте.

Вера вышла на улицу. Мороз тут же вцепился в щёки, стягивая кожу жёсткой, болезненной коркой. Она не собиралась сдаваться. Девушка подошла к столовой и тяжело опустилась на обледенелую деревянную скамейку, сбросив рюкзак на снег. Окоченевшими, непослушными пальцами она развернула старую, распечатанную из архива карту. Ветер тут же попытался вырвать бумагу — края захлопали с сухим, резким треском.

Малой вышел из конторы. Под мышкой он жёстко зажал стопку путевых листов и дефектных ведомостей. Сажа, въевшаяся в трещины на костяшках, саднила на морозе. Малой поправил очки в тонкой оправе, перетянутые синей изолентой.

Он увидел её сразу. Чужеродное пятно на сером фоне индустриального рудника. Тонкий пуховик, дрожащие плечи. Она пыталась удержать карту, водя по ней покрасневшим от холода пальцем. Малой остановился. В её упрямом профиле, в жёстком, сосредоточенном взгляде было что-то до боли знакомое.

Тяжёлые ботинки Малого с громким хрустом проломили наст. Он подошёл вплотную.

— Кинематическая вязкость смазки в суставах при такой температуре падает втрое, — голос Малого прозвучал сухо, без интонаций. — В ваших ботинках вы заработаете некроз пальцев ног через сорок минут. Вы ищете что-то?

Вера резко подняла голову. Перед ней стоял молодой парень, но взгляд у него был тяжёлый, свинцовый. Очки замотаны изолентой. Губы сжаты в тонкую линию.

— Я ищу «Кривой ручей», — отрезала она, глядя ему прямо в глаза. — Это бывший лагерный пункт.

Малой опустил взгляд на развёрнутый лист. Его палец с чёрной каймой под ногтем ткнул в бумагу.

— Я знаю, что это. Вы смотрите на Дорогу костей.

— Там похоронена моя прабабушка, — Вера подалась вперёд, не обращая внимания на ледяной ветер, секущий лицо. — Я должна туда попасть.

Имя ударило в голову, как обух по темени. «Кривой ручей. 1940. Анна». Механизм внутри Малого провернулся с жёстким металлическим лязгом. Он посмотрел в её глаза. Серые. Упрямые. Он видел это лицо неделю назад на старой, пожелтевшей фотографии. И он видел в ней себя — того наивного зубрилу-теоретика, который когда-то сел в кабину КамАЗа, не понимая, что тайга не прощает ошибок.

— Вы понимаете, что это самоубийство? — Малой чеканил слова, вбивая их в морозный воздух. — Там нет дорожного полотна. Отсутствует радиопокрытие. Топлива нет. Ничего нет. При отказе двигателя кристаллизация крови наступит через два часа.

— Я знаю, — Вера стиснула зубы. Тонкая ткань её пуховика жалобно скрипнула. — Но я должна.

Малой молчал. Ветер рвал края её карты. Канцелярская броня, которую он старательно наращивал последние полгода, дала крошечную трещину. Тайга таких пережёвывает и выплёвывает мёртвым льдом. Если она пойдёт туда одна, её найдут весной. Если вообще найдут.

— Я помогу вам, — голос Малого прозвучал ровно, как гул дизеля на холостых оборотах. — Но не один. Уберите карту, пока её не порвало в клочья. Нам нужно в гараж.

Глава 3. Долг памяти

Гараж рудника встретил их густым запахом жжёной солянки и старого трансформаторного масла. Наступил вечер того же дня. Вера переступила высокий стальной порог, рефлекторно вжимая голову в плечи от резкого перепада температур. Мороз с улицы попытался ворваться следом, но разбился о плотный гудящий жар тепловой пушки.

Малой шёл впереди. Его тяжёлые ботинки с глухим стуком впечатывались в промёрзший бетон. Вьевшаяся гаражная грязь на его руках казалась чёрной броней на фоне стерильной белизны снега за окном.

В центре бокса сидел Воронов. Механик устроился на перевёрнутом оцинкованном ведре и методично, с сухим лязгом перебирал гаечные ключи. Рядом, в полумраке, возвышалась массивная фигура Громова. Батёк тяжело осел на стопку старых камазовских покрышек, намертво вцепившись крупными руками в деревянную трость.

Малой остановился.

— Это Вера, — голос Малого прозвучал ровно, разрезая гудение пушки. — Она ищет «Кривой ручей».

Воронов замер. Тяжёлый рожковый ключ на тридцать два застыл в его руке. Механик медленно поднял голову, скривив заросшую щетиной щеку в кривой ухмылке, и посмотрел на Веру долгим, оценивающим взглядом.

— «Кривой ручей»? — хрипло переспросил Воронов, и в его тоне не было привычной едкой издёвки. — Это та самая дорога. Дорога костей.

Вера подалась вперёд, игнорируя запах перегретой пыли, от которого с непривычки резало горло. Городской пуховик тонко зашуршал.

— Вы знаете о ней?

Воронов бросил ключ в ящик. Ключ звонко лязгнул о железо.

— Все знают, — пожал плечами механик, вытирая руки жёсткой ветошью. — Только никто туда не ездит. Там лагерные пункты стоят до сих пор. Пустые. И... не совсем пустые.

— Что вы имеете в виду? — Вера сжала заледеневшие лямки своего рюкзака.

— Говорят, там голоса слышны, — Воронов усмехнулся, но тёмные глаза остались холодными. — Бабкины сказки, конечно. Ветер в колючей проволоке воет. Мороз металл рвёт. Но я бы там ночевать не стал. Тайга пустых бараков не любит.

Громов молчал. Лицо не дрогнуло. Батёк перевёл тяжёлый взгляд на фотографию, которую принесла девушка. На ветхий картон. На молодую женщину с усталым лицом в толпе измождённых людей. На Анну.

— Это твоя прабабушка? — голос старшего колонны прозвучал тихо, но от него мелко задрожал воздух.

— Да, — Вера сглотнула пересохшим горлом. — Она умерла там. В сороковом. Я хочу найти её могилу. Или хотя бы место, где она была. Иначе их просто вычеркнут. Окончательно.

Громов долго смотрел на снимок. Его огромные, покрытые белесыми шрамами от обморожений пальцы бережно держали хрупкую бумагу. Затем он молча протянул фотографию обратно Вере. Тяжело оперся на деревянную трость и, преодолевая боль в пробитом бедре, поднялся с покрышек.

— Мы поедem, — слова ударили в бетонный пол, как кувалда. — Втроём. Я, Витя и Малой. Ты — с нами.

Воронов молча кивнул и сунул руку в карман ватника, где глухо звякнули гайки. Малой отвернулся. Для них решение Батёка было законом. Без обсуждений. Без протоколов.

Вера растерянно посмотрела на этих троих. Суровых, поломанных Севером мужиков.

— Почему? — она перевела взгляд на Громова. — Зачем вам это? Почему вы помогаете мне?

Громов отвернулся. Хромая, тяжело ступая, он подошёл к заиндевавшему окну гаража. За грязным, покрытым ледяной коркой стеклом лежала тайга. Бесконечная. Холодная. Вечная. Тайга, которая чуть не сожрала их колонну полгода назад.

— Потому что кто-то должен помнить, — Батёк говорил глухо, не оборачиваясь, вбивая каждое слово в морозный воздух, как пешня в лёд. — Тех, кто умер. Тех, кто остался. Тех, кого забыли. Мы выжили там, где другие не выжили. Оставили на трассе здоровье, кровь, куски собственной плоти. Вернулись. Значит, наш долг — помнить.

Вера смотрела на него. На этого старого, усталого мужчину с деревянной тростью. На его тяжёлый профиль, на выдубленное морозами лицо. На глаза, которые видели слишком много, чтобы верить в случайности и канцелярские отписки. За его словами стоял не пустой пафос, а первобытная выстрадавшая правда.

Холод от бетонного пола пробивал тонкие подошвы её городских ботинок. Запах гари намертво въедался в волосы.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Глава 4. Сборы

Морозное утро на руднике «Северный» началось с тяжёлого лязга металла и едкого запаха солянки. В гараже бригада готовилась к выезду. Воронов нырнул под капот старого, но надёжного «Урала», который он восстановил своими руками. Тяжёлый гаечный ключ на тридцать два привычно оттягивал карман его замасленного ватника. Механик с остервенением протягивал хомуты на патрубках охлаждения, чертыхаясь сквозь зубы.

Громов сидел за железным верстаком. Его пробитая арматурой нога жёстко упиралась в бетонный пол, тяжёлая деревянная трость прислонилась к тискам. Крупными, покрытыми старыми шрамами пальцами он методично составлял список необходимого, вычёркивая пункты в замусоленном блокноте.

— Топливо под завязку, продукты на неделю, шанцевый инструмент, — глухо бубнил Батёк, не поднимая глаз. — Тёплые вещи. И помповик достань из рундука, Витя. Патронов две пачки.

Малой подошёл к Вере. Девушка жалась к ревушей тепловой пушке в своём тонком городском пуховике. У её ног лежал лёгкий рюкзачок с кучей декоративных кармашков. Малой смерил рюкзак взглядом.

— Индекс теплоизоляции вашей экипировки не соответствует климатической норме, — сухо отчеканил он, пнув её рюкзак носком тяжёлого ботинка. — Это не подойдёт. Ваши городские ботинки на тонкой подошве превратят ступни в ледышки через час отсутствия обогрева в кабине.

Вера растерянно посмотрела на свои ноги. Модные, удобные — и совершенно не предназначенные для минус пятидесяти градусов.

— Я не думала... — начала она.

— Думать надо было на материке, — перебил Малой, тяжело вздохнув. — На трассе нужно соблюдать физику выживания. Идём на склад. Подберём что-нибудь из неликвида.

На холодном складе воняло мышами и слежавшейся овчиной. Малой молча свалил перед Верой тяжёлые, дубовые от мороза вещи: огромные валенки, бесформенный армейский тулуп, шапку-ушанку и жёсткие суконные рукавицы.

Когда Вера натянула всё это на себя, она с трудом повернулась к мутному зеркалу на стене. Городская девчонка исчезла. На неё смотрел неуклюжий полярник, утонувший в жёстком мехе.

— Теперь вы похожи на человека, — констатировал Малой, не улыбаясь. — Почти.

Вера слабо улыбнулась в ответ. Впервые за долгое время густая, липкая тревога внутри немного отступила.

Вечером они снова собрались у верстака в гараже. Громов развернул старую, потёртую на сгибах топографическую карту. Жёлтый свет переноски выхватил бледные линии горизонталей и пунктиры давно забытых направлений.

— Маршрут такой, — Батёк ткнул толстым промасленным пальцем в бумагу. — Идём на север. Двести километров по старому зимнику.

Он сдвинул палец вправо, в белое пустое пятно на карте.

— Потом сворачиваем на восток. Там заброшенная дорога. Та самая. Дорога костей.

Вера вгляделась в бумагу. Расстояния казались крошечными, но она уже знала цену каждому миллиметру на этом Севере.

— Сколько времени это займёт? — спросила она, кутаясь в тяжёлый воротник тулупа.

Громов тяжело перенёс вес на здоровую ногу.

— День, если повезёт, — его голос звучал глухо, как хруст перемёрзшего дерева. — Два, если не повезёт. Тайга прогнозов не даёт. Погода непредсказуема. Связи там нет.

Он обвёл тяжёлым немигающим взглядом всех троих.

— Рассчитываем только на себя.

Вера сглотнула. Запах горелого масла в гараже вдруг показался ей удушливым.

— А если что-то случится? — тихо спросила она, глядя прямо в выцветшие глаза старшего колонны.

Громов молча свернул карту. Жёсткая бумага сухо хрустнула.

— Тогда мы решаем проблемы по мере поступления, — отрезал Батёк, опираясь на деревянную трость. — Как всегда.

Глава 5. Первый день

Дизель ЯМЗ-238 рявкнул, выплюнув в сизое мартовское утро густой ком чёрной сажи. Старый, потёртый «Урал», восстановленный руками Воронова из металлолома, содрогнулся всем своим многотонным телом. Тяжёлые шипы вгрызлись в мёрзлую землю промзоны. Трансмиссия натужно завывала, перемалывая густое ледяное масло в редукторах.

Колонна из одной машины вышла на трассу.

Вера сидела в кузове, укрытая тяжёлым армейским тулупом и толстым спальником. В железной коробке вахтовки, установленной на раме грузовика, на пределе оборотов ревела автономная печка, выплёвывая струю раскалённого, пересушенного воздуха. Пахло соляжкой, старой овчиной и ввевшимся в стены застарелым потом. Жар от печки бил по ногам, но от железных стен тянуло могильным, пронизывающим холодом. Минус тридцать за бортом никуда не делись. Городской пуховик остался в рюкзаке — здесь он годился разве что на растопку. На ногах — жёсткие, дубовые валенки. Вера обхватила себя руками, пытаясь привыкнуть к зубодробительной тряске. Каждый стык ледяного наста, каждая яма на зимнике отдавались глухим ударом в позвоночник.

Рядом, вцепившись в металлическую скобу поручня, сидел Малой. Его лицо не выражало ничего. Застывшая маска. Очки в тонкой оправе стянуты синей изолентой на переносице. В глубокие трещины на сбитых костяшках въелась сажа. Он смотрел в пустоту перед собой, ритмично покачиваясь в такт ударам подвески. Человек, который научился убивать бумагами и выживать там, где ломается сталь.

В кабине впереди — Громов за рулём и Воронов на пассажирском сиденье. Тяжёлые, покрытые шрамами руки Батёка намертво лежали на руле. Пробитая арматурой правая нога жёстко давила на педаль газа. Воронов курил, стряхивая пепел в приоткрытую форточку. Ветер мгновенно высасывал сизый дым наружу. Первые километры прошли спокойно. Зимник накатан, погода ясная. Гладкая, как бетон, ледяная колея уходила на север, разрезая бесконечную стену вековых сосен.

Вера подышала на замёрзшее стекло кунга. Потёрла его рукавицей. В образовавшуюся амбразуру ударил слепящий белый свет. Она смотрела на тайгу. Бескрайняя. Мёртвая. Идеально чистая. Солнце играло на кристаллах льда, превращая сугробы в россыпи битого стекла. Деревья стояли неподвижно, скованные морозом, как часовые.

— Красиво, — произнесла Вера. Голос прозвучал глухо из-за гула автономки.

Малой не пошевелился. Только скосил глаза на её заиндевшее окошко.

— Опасно, — сухо отчеканил он. — Индекс альбедо снежного покрова сейчас близок к восьмидесяти процентам. Без солнцезащитных очков сетчатка получит ожог через сорок минут. А то, что вы называете красотой, — это абсолютный ноль биологической активности. Мёртвая зона. Красиво — это когда смотришь из окна. А когда ты там, внизу, по колено в снегу — не очень.

Вера отвернулась от окна. Она посмотрела на Малого. На его запавшие щёки. На тонкие белесые шрамы, пересекающие скулу — следы глубокого обморожения. В нём не было ничего от обычного молодого парня. Он был как этот «Урал». Железный, помятый, пропахший солярой.

— Вы были здесь? — спросила она. — В тайге?

Малой медленно перевёл взгляд на свои руки. На вьёвшуюся в поры грязь. Он потёр костяшки большим пальцем.

— Был. Прошлой зимой. — Голос его стал ещё тише, почти неразличимым за воем печки. — Двигатель КамАЗа разорвало гидроударом. Мы сидели в ледяной кабине при минус пятидесяти пяти. Без связи. Мы чуть не погибли. Все трое. Но выжили. Я тогда тоже думал, что снег — это просто снег. А потом увидел, как он сдирает кожу вместе с мясом, если прикоснуться к металлу.

Вера сглотнула. Жар от печки вдруг показался ей недостаточным. Холод пополз от железного пола, забираясь под тулуп.

— Как? — спросила она.

Малой поднял глаза. Замотанные изоляцией очки тускло блеснули.

— Благодаря ему, — он кивнул на перегородку, за которой сидел Громов. — Он истекал кровью из пробитой ноги, но крутил баранку. И ему, — кивок в сторону Воронова. — Он замыкал стартер напрямую гаечным ключом на голом льду. И... мне. Немного. Я научился не верить в инструкции, когда они противоречат физике выживания.

Вера долго смотрела на него. В этом парне, в этих суровых мужиках впереди была какая-то первобытная спайка. То, что невозможно прописать ни в одном регламенте. Разные люди. Старый, усталый Громов. Циничный, весёлый Воронов. Замкнутый, жёсткий Малой. Но что-то их объединяет. Что-то, чего она не может понять.

— Вы друзья? — тихо спросила она.

Малой задумался. Усмехнулся. Криво, сухо. В этой усмешке промелькнуло что-то вороновское.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.